

Р.К. ГАНИЕВА

**ТВОРЧЕСТВО ГАЛИМДЖАНА ИБРАГИМОВА
В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТУР
К 125-летию Г. Ибрагимова**

Мақалада татар ренессанстық әдебиетінің, XX ғасыр басындағы романтикалық әдебиеттің белгілі өкілі Галымжан Ибрагимовтің (1887-1938) шығармашылығы мен мұсылмандық Шығыс және христиандық Батыс әдебиеті арасындағы көпқырлы ықпалдастық пен байланыс қарастырылады.

В статье рассматриваются многогранные взаимосвязи и взаимоотношения выдающегося представителя татарской ренессансной литературы, романтического литературоведения начала XX века Галимджана Ибрагимова (1887-1938) с литературами мусульманского Востока и христианского Запада.

The article tell about many-sided interrelations of a great representative of the Tatar renaissance literature, romantic literature studies of the XX-th century Galimdjhan Ibragimov (1887-1938) with the literatures of Muslim East and Christian West.

На рубеже XX-XXI веков усиливается интерес к восстановлению и объективной оценке литературного наследия татарского народа, подвергнутого идеологическому остракизму в советскую эпоху. Начинается переоценка многогранной художественной, научной и общественной деятельности Галимджана Ибрагимова.

Галимджан Ибрагимов (1887-1938) – классик татарской литературы первой трети двадцатого столетия. Он был очевидцем и участником кровопролитных войн, революций, общественно-политических потрясений в царской и советской России, приведших к гибели писателя в застенках тоталитарного сталинского режима.

История разделила творческий путь Ибрагимова в мировоззренческом и литературно-эстетическом планах на два резко очерченных этапа: дооктябрьский и советский. Писатель начал свой творческий путь в начале XX века, когда татарская литература вступала в период национального Ренессанса, а каноничные традиции средневековых арабо-персидско-тюркских литератур постепенно уступали место реализму и романтизму европейского типа, образуя восточно-западный синтез. Большинство татарских литературоведов единодушны в том, что дооктябрьское творчество Ибрагимова, начавшееся с реалистического натурализма в рассказе «Изгнание шакирда Заки из медресе» (1907), всецело протекает в русле романтизма. Романтическое творчество писателя характеризуется эстетикой прекрасного, возрожденческим антропоцентризмом, утверждением социального достоинства и духовной свободы человека, идеалов национального прогресса, культ природы, любви и искусства. Он же был одним из основоположников романтической эстетики и принципов культурно-исторической школы в татарском литературоведении начала XX века, которые им были теоретически иллюстрированы в трудах «Вопросы литературы» (1910), «Татарские поэты» (1913), «Несколько слов об «Альбоме» (1915).

Взаимоотношения Галимджана Ибрагимова с советской властью были сложны и трагичны. После Октябрьского переворота 1917 года он стал одним из главных идеологов и создателей новой социалистической культуры и литературы. С одной стороны, Ибрагимов был вынужден стать на путь сотрудничества с большевиками, создать ряд художественных произведений, пронизанных идеями партийности, классовой борьбы и всеилия диктатуры пролетариата («Новые люди», 1920; «Красные цветы», 1921–1922; «Глубокие корни», 1926–1928; «Наши дни», 1914, изд. 1920, переработ. 1934). С другой, Ибрагимов был уверен, что его компромисс с большевиками, общественная, литературная деятельность положительно повлияют на развитие новой советской татарской литературы. Как справедливо писал историк Габдулбари Баттал, в отношении возрождения культуры татарского народа он оставался «большевиком-националистом», что подтверждается его выступлениями в защиту арабской графики и необходимости отражения национальной истории, национального духа в искусстве и литературе. Сопровитием тоталитаризму и сталинской политике явился его историко-публицистический труд «Каким путем должна пойти татарская

культура?», за что он подвергался бесконечным нападкам со стороны большевистского режима.

Романтизм, характерный для дооктябрьского творчества, продолжает доминировать в произведениях Ибрагимова первой половины 20-х годов, а со второй половины его художественный метод эволюционирует в сторону так называемого социалистического реализма. Энциклопедией классовой борьбы стал его роман «Глубокие корни».

Идеологическая основа ибрагимовского романтизма и реализма советского периода иная: навязанная партией и диктатурой пролетариата – натуралистическая «эстетика крови» (точнее «карнавал кровопролития»), оправдываемая и крылатым выражением коммунистов тех лет: «революций без крови не бывает».

Многие произведения Ибрагимова 20-х – начала 30-х годов иллюстрируют картину, что строительство социализма – это беспощадная классовая борьба, жуткие казни, череда мучительных голодных смертей, гибели людей при революционном переустройстве жизни села, города и на фронтах гражданской войны. «Эстетикой крови» была пронизана вся многонациональная советская литература 20–30-х годов. Катастрофичность эпохи определила и трагичность художественного сознания Галимджана Ибрагимова – противоборство в его мироощущении и мировосприятии несовместимых друг с другом эстетических категорий, моральных ценностей, общественно-политических установок: прекрасного и безобразного, гуманизма и революционного насилия, национального и интернационального. Однако при всех катаклизмах истории и личных компромиссах и конфликтах с принципами партийности и классовости большевистской идеологии Ибрагимов оставался великим художником слова, тяготеющим к эстетике прекрасного, утверждающим право человека на свободу и счастье, а также писателем культурно-исторической школы, признающим приоритет национальных корней, национального духа, национальных ценностей.

Начало XX века – вершинное явление возрожденческого движения в общественной и духовной жизни татар. Это наложило отпечаток и на духовные связи Галимджана Ибрагимова с мировой культурой и литературой. Будучи энциклопедически одаренным писателем, он вбирал научные знания и художественный опыт всюду: в западной и восточной античности – древнегреческой поэзии Гомера, философии Платона, Аристотеля, Ави-

ценны, Аль-Кинди, Фараби, Ибн Рушда, Ибн Халдуна; в трудах западно-европейских мыслителей Нового времени: Декарта, Канта, Спенсера, Тэна и других; в ренессансной литературе Востока и Европы, в поэзии Маари, Мутанабби, Фирдоуси, Низами, Хайяма, Саади, Хафиза, Физули, Навои, Данте, Шекспира; в творчестве выдающихся писателей английской, немецкой, французской, испанской литератур, как Сервантес, Корнель, Расин, Руссо, Гюго, Золя, Гейне, Гете, Шиллер, Байрон, Андерсен, Новалис, Верхарн, Бичер-Стоу и др. При всем этом необходимо подчеркнуть, что Ибрагимов был прекрасным знатоком истории мусульманской цивилизации, коранической философии, шариата, хадисов, фикхе, о чем свидетельствует написанный им в 1909 году труд «Древняя исламская цивилизация».

Галимджан Ибрагимов первым среди татарских писателей и литературоведов выступил с защитой идеи восточно-западного синтеза, подверг резкой критике сторонников имманентного развития литератур. В приобщении к опыту мировой литературы особое значение он придавал переводам; горел желанием ознакомить свой народ с лучшими образцами европейской, арабо-персидской поэзии. «Нам нужны, – писал Ибрагимов, – переводы таких гениев, как Гомер, Данте, Шекспир, Шиллер, Гете, Байрон... Если мы не хотим задохнуться в своей национальной скорлупе и желаем, приобщившись к общечеловеческой культуре, озарить умы и мысли наши ее немеркнущим светом, то без этих переводов нам не обойтись. Я верю, осталось недолго ждать этого» [1, с. 223].

Достоин внимания и тот факт, когда некоторые ученые с европоцентристских позиций признавали только полноценность культуры Запада, умаляли значение достижений мусульманской цивилизации, Ибрагимов утверждал равноценность этих культур. «Нам необходимо знать прошлое Востока, – подчеркивал он, – питаться его поэзией и мудростью. Настало время поставить гениев Востока рядом с классиками Запада и преклоняться перед ними, с кафедр медресе донести до сердца татарина любовь не только к «Илиаде» и «Божественной комедии», но и к «Мугаллакату» (сборник лучших доисламских стихотворений арабов, вывешенных вокруг Каабы), к Маари, «Шахнамэ» Фирдоуси, «Гулистану» Саади, «Лейли и Меджнун» Физули» [1, с. 224].

Приведенные цитаты из статьи «Не пора ли готовиться?» (1915) представляют интерес и тем, что в них Ибрагимов еще в десятые годы прошло-

го века, более чем на полувека раньше академика Н.И. Конрада («Запад и Восток», 1966) поднимает вопрос о взаимосвязи, взаимодействии и единстве мирового литературного процесса, а также делает попытку преодолеть европоцентристские воззрения, существующие в научной и литературоведческой мысли России.

При теоретическом освещении проблем литературы Ибрагимов больше всего опирается на суждения известных европейских и русских ученых, историков, философов, фольклористов, литературоведов и критиков (И.Тэн, А.Баумгартен, Г.Брандес, Ф.Буслаев, В.Григорьев, Н.Дашкевич, Н.Костомаров, В.Кранихфельд, Д.Овсяннико-Куликовский, Месарош, М.Покровский, В.Радлов, Дж.Рескин, Д.Садовников, И.Сахаров, А.Самойлович и др.), а также изучает труды русских революционных демократов и марксистов Чернышевского, Добролюбова, Белинского, Писарева, Плеханова, Воровского, Луначарского, Ленина. Особенно привлекала его внимание литературно-критическая деятельность В.Г.Белинского. Не случайно одна из первых статей Ибрагимова в газете «Юлдуз» («Звезда», 1910) была посвящена показу значения идейного наследия «неистового Виссариона» в истории русской литературной и общественной мысли, его борьбы за «национальную и реалистическую литературу», тесно связанную с актуальными проблемами российской действительности [1, с. 42–46].

Ибрагимов был прекрасным знатоком русской классической литературы, произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, Андреева, Горького. Он проявлял особый интерес к личности и творчеству Максима Горького. Он даже внешне во всем подражал А.М.Горькому. Наличие в нем “горьковской линии”, схожесть художественных принципов Ибрагимова с великим русским писателем отмечают многие исследователи его творчества (М.Хасанов, Г.Халит, О.Кадыров и др.).

Ибрагимов неоднократно отмечал огромную роль русской культуры в духовном развитии татарского народа. “Наше возрождение, наша литература, наша наука, наше революционное движение, – писал он, – развивались под огромным и определяющим воздействием русской культуры”. Примером полнокровного проявления народности в мировой литературе писатель считал русскую классическую литературу. «Русская литература занимает почетное место тем, – пишет он в 1913 году, – что она близка к народу,

живет для народа и поставила себе целью облегчить его тяжелую долю и осветить его темную жизнь» [3, с. 80].

Галимджан Ибрагимов является автором статьи об украинском поэте Тарасе Шевченко «Поэт-герой» (1914). Для него Шевченко – «не только поэт. Я величаю его героем. Он – герой свободы. Он – воплощение исторического идеала угнетенного народа в борьбе за светлое будущее. Он – символ общественных чаяний и устремлений малорусского народа» [1, с. 160]. В творчестве Кобзаря Ибрагимов видит не только пример борца за социальное и национальное освобождение украинского народа, но и находит много общих и других мотивов, созвучных и близких угнетенному царизмом и татарскому народу.

С философскими трудами и художественными произведениями мусульманского Востока Ибрагимов познакомился еще в годы учебы в медресе. Интерес к ним не ослабевает у него и в советский период. В своих трудах он неоднократно упоминает имена крупнейших представителей арабского, ирано-таджикского и тюркского Ренессанса. В «Канонах литературы» (1918), определяя жанр героической поэмы, писатель дает краткий анализ эпопеи «Шахнаме» Фирдоуси. Тем, кто интересуется четверостишиями Омара Хайяма, рекомендует читать работы персидских и татарских ученых. В работе «О пролетарской литературе» (1924) писатель называет Маври, Хайяма, Хафиза гениями мировой литературы и подчеркивает, что их творчество – «достояние мировой цивилизации» [1, с. 431].

Татарский писатель питал огромное уважение к узбекской литературе, лирике «царя слова» Лутфи и величайшему представителю ее «золотого века» Алишеру Навои, произведения которого он считал одинаково дорогими для всех тюркских народов. «Эта литература, – отмечает он, – будучи плодом одной из великих цивилизаций в Средней Азии, оказала большое влияние и на нас, на османцев, и на азербайджанскую литературу. Такой поэт, как Навои, талант которого расцвел в «золотой век» узбекской литературы, прославился не только у себя в Туркестане, но и в Анатолии» [1, с. 353].

Ибрагимов проявлял большой интерес к поэзии великого представителя Восточного и азербайджанского Ренессанса Мухаммеда Физули. Он восхищался исключительной поэтической одаренностью Физули, создавшего одинаково талантливые газели на трех языках – арабском, персидском,

тюркском, считая, что поэма «Лейли и Меджнун» его не имеет аналогов в других литературах. В 1913 году в одном из писем из Киева, адресованном Фатиху Карими, Ибрагимов пишет, что «Литература, в которой есть Физули /.../, для нас, татар, имеет много поучительного; она может явиться исключительным примером, образцом, даже сокровищем» [2, с. 72].

Типологическую близость с поэзией Физули в передаче сложных душевных переживаний Ибрагимов обнаруживает в творчестве татаро-башкирского поэта Шаехзаде Бабича. Влияние азербайджанского поэта Ибрагимов находит и в лирике Габдуллы Тукая. Например, он считает, что стихотворение Тукая «Мигъраж» («Вознесение») является назирой на Физули. И сам Ибрагимов при описании красоты Марьям – главной героини романа «Молодые сердца» (1913) – пользуется теми же изобразительными средствами, светоносными образами, что и Физули в газелевой лирике и поэме «Лейли и Меджнун». Кроме того, любовь Зьи к Марьям трактуется в романе как эстетическое наслаждение красотой возлюбленной, как источник музыкального вдохновения, как пантеистическое единение влюбленных романтических героев.

Близко и дорого было Ибрагимову творчество основоположника азербайджанской реалистической драматургии просветителя М.Ф.Ахундова. Размышляя о значении его художественного наследия для судеб азербайджанской литературы, он выражает уверенность в том, что «если азербайджанцы напишут историю своей литературы, то во главу ее поставят творчество М.Ф.Ахундова» [1, с. 226].

Ибрагимов поддерживал тесные дружественные контакты с азербайджанскими писателями, учеными и общественными деятелями. Например, в 1912–1913 годах, живя в Киеве, он общается с известным азербайджанским прозаиком Чемаземинли (Юсуфом Везириным), знакомит его с татарской литературой. Оба писателя обращались к теме революционного движения мусульманских студентов в Киеве, Ибрагимов – в жанре исторического очерка («Из истории движения татарских студентов», 1922), Чемаземинли – в художественной прозе (диалогия «Студенты». 1914–1935).

В двадцатые годы Ибрагимов пишет публицистические статьи о видном писателе-коммунисте Наримане Нариманове, его вкладе в азербайджанскую культуру: («30-летие трудового праздника товарища Наримана», «Умер Нариман-ага», 1925). Он подробно знакомит татарского читателя с

многогранной партийной и государственной деятельностью азербайджанского революционера, его литературным творчеством, особо подчеркивает популярность его исторической трагедии «Надир-шах» среди татарских читателей и зрителей.

Говоря об отношении Ибрагимова к тюркским литературам, необходимо особо указать на его связи с турецкой литературой. В литературно-критических работах, художественных произведениях Ибрагимов многократно обращается к фактам турецкой литературы и литературоведения. У Ибрагимова имеется немало высказываний о влиянии среднеазиатской и малоазиатской религиозно-дидактической литературы на татарскую литературу Средневековья и Нового времени. Например, по поводу «Мухаммадии» Челеби Ибрагимов пишет: «Талантливая книга поэта из Калибули «Мухаммадия» была для нас поэзией, песней и музыкой – нашей духовной пищей. И множество других произведений Стамбула читалось у нас как свои» [1, с. 353–354].

Ибрагимов прекрасно ориентировался в старой диванной литературе Турции, о чем свидетельствует упоминание им имен многих ее представителей, таких, как Хамдуллах Хамди, Юсуф Синан Гирмияни, Гошшакизадэ, Гумер Нафги и др. Исключительный интерес татарский писатель проявлял к творчеству крупнейших представителей эпохи Танзимата (Реформ или Просвещения (с 1839 до нач. 70-х гг. XIX в.)) и начала XX века – Ибрагима Шинаси, Намыка Кемалю, Абделхака Хамида, Тоуфика Фикрета, Ахмеда Расима, Халида Зыи Ушаклыгиля. Во время киевских событий 1913 года на квартире Ибрагимова было конфисковано большое количество литературы, относящейся к истории, искусству, художественной литературе и литературоведению Турции. Большинство изъятой литературы – это произведения талантливого поэта-романтика Абдулхака Хамида, как, например, «Чувствительная девушка», «Любовная трагедия», «Покойник», «Эшбер», «Зейнаб», «Нарцисс», «Тарик», «Дочь индуса», «Свобода», «Могила», пронизанные антифеодальным и антиколониальным пафосом, защитой прав восточной женщины. В одном из писем из Киева писателю-журналисту Фатиху Карими Ибрагимов сообщает, что «он восхищен силой поэтического дарования Абдулхака Хамида» [1, с. 12]. Это признание свидетельствует, что Абдулхак Хаמיד, автор знаменитых романтических поэм «Могила» и

«Свобода», импонировал духовным и творческим исканиям татарского писателя.

Достойным внимания Ибрагимов считает творчество зачинателя жанра новеллы в турецкой литературе Ахмеда Мидхата – автора многочисленных рассказов, повестей, романов в духе Дюма-отца. Анализу творчества видного турецкого просветителя он посвятил специальную статью «Ахмад Мидхад эфенди». Не случайным является и появление эпизодического образа «уважаемого, почтенного, знаменитого старца – писателя Ахмеда Мидхада в историко-революционном романе Ибрагимова «Наши дни» (глава XXXI). Татарскому прозаику были хорошо знакомы романы Ахмеда Мидхада «Хусейн-феллах», «Хасан-меллах» с исключительными героями, ситуациями и налетом сентиментализма.

Названия турецких романов с их многочисленными героями и персонажами встречаются и в произведениях самого Ибрагимова. Например, Марьям – главная героиня романа «Молодые сердца» (1912) – увлекается романами реалистов и романтиков. «Бесконечно желанной духовной пищей» для нее были романы Намыка Кемаля, Ахмеда Расима, Халида Зыи Ушаклыгиля и переводы других авторов из французской литературы. По ним она сверяла свои жизненные впечатления, искала ответы на вопросы, волнующие ее романтическую душу.

Немаловажную роль для Ибрагимова сыграла турецкая литература в освоении руссоистской критики буржуазной цивилизации (например, рассказ «Пастухи», 1913). Счастливого, естественного человека, близкого природе, противопоставленного буржуазному образу жизни, мы видим в романе «Молодые сердца» (например, образы Зыи и Марьям, Сабира и Камили) и в рассказе «Дети природы» (1914).

Еще до Октябрьской революции Ибрагимов стал известен как певец дружбы народов и литератур. Так, например, в 1913 году им была проделана большая работа по сплочению мусульманских студентов, обучавшихся в высших учебных заведениях Киева, по укреплению литературных связей и распространению среди них просветительских и революционных взглядов, направленных против самодержавия. Именно в Киеве он установил контакты с прогрессивными деятелями русской и других национальных культур, например, с Саидом Габиевым – дагестанским писателем, революционером, редактором «Мусульманской газеты». Здесь же началась его переписка

и известным востоковедом, академиком В.В. Бартольдом, дружественные контакты с которым Ибрагимов поддерживал и в советское время.

В 1915-1916 годы, будучи преподавателем уфимского медресе «Галия», всю свою энергию и деятельность Ибрагимов направляет в русло единения шакирдов различных национальностей и интеллигенции татарского, башкирского, казахского, киргизского, узбекского и др. народов. Он защищает равенство языков и литератур тюркоязычных народов, указывает на их генетическое родство и взаимосвязь в далеком историческом прошлом, приветствует возрождение их национальных культур и литератур в двадцатом веке. Одновременно Ибрагимов проводит большую работу среди многонационального состава шакирдов по материалистическому объяснению истории тюркских культур и ознакомлению с особенностями формирования и развития таких национальных литератур, как турецкая, азербайджанская, узбекская, казахская, татарская, башкирская.

Ибрагимов критикует ограниченность взглядов, националистические и шовинистические устремления в вопросах культуры некоторой части татарской молодежи, обучающейся в медресе «Галия», защищает стремление казахской интеллигенции создать на родном языке периодическую печать, науку и национальную литературу. В статье «Языки разные, но духом единые» (1916) он подчеркивает «мощную самобытность» казахского народа, высоко оценивает его фольклор, духовный потенциал, призывает учиться у него. «Их народная литература, – отмечает он, – отличающаяся оригинальностью среди тюркских племен, исключительно богата и велика... Прежде чем мечтать о включении казахов в понятие татарский язык и литература, в целях обогащения собственного литературного наследия, необходимо глубоко изучить казахскую народную литературу» [1, с. 229–230].

Большие надежды возлагает Ибрагимов на казахскую литературу, имеющую превосходный фольклор и такого великого поэта, как Абай Кунанбаев и предсказывает ей великое будущее. «Никакие силы, – заключает он, – не могут остановить ее поступательное движение». Годы учительства в казахских степях оставили в душе Ибрагимова незабываемые впечатления. Прекрасное знание жизни, языка, обычаев казахского народа помогло ему создать такое новаторское произведение, как социально-психологический роман «Дочь степи» (1924), в котором он проявил себя зрелым мастером,

творчески использовал лучшие традиции европейской, русской реалистической и романтической прозы.

Единомышленником Ибрагимова, его собратом по перу был известный казахский общественный и государственный деятель, поэт Сакен Сейфуллин. Первое их знакомство произошло еще в 1918 году в Красноярске, когда Ибрагимов выполнял особое задание командования Красной Армии в тылу армии Колчака. Писатель Сабит Муканов вспоминает: «С Сакеном Сейфуллиным Ибрагимов беседовал на чистом казахском языке благодаря годам, которые он провел в казахских степях, обучая детей грамоте» [4]. Ибрагимов продолжал интересоваться творчеством Сакена Сейфуллина и в 30-х годах, когда он жил в Крыму. Татарскому писателю из Казахстана И.Салахову он рассказывал о своих встречах с Сакеном Сейфуллиным в годы гражданской войны, высоко оценил его романтическую поэму «Кокшетау» и документально-мемуарный роман «Трудный путь, тяжелый переход» [5].

С воодушевлением Ибрагимов встречает рождение под влиянием революции новой социалистической прессы и литературы народов Советского Востока. Он приветствует общественно-политические и литературно-художественные издания марксистского направления на азербайджанском, узбекском, туркменском, казахском, уйгурском, татарском языках, влившихся «мощным потоком» в многонациональную советскую культуру. В статьях «Вокруг вопроса о литературе, печати тюркских народов» (1922), «Из мира литературы тюркских народов» (1922) Ибрагимов делает обстоятельные обзоры газет и журналов, издававшихся в национальных республиках, таких, как «Коммунист», «Инкыйляб», «Әхбар», «Кызыл Казахстан», «Төркмән иле», «Яшь уйгур», «Кызыл ил», «Кызыл укчы», «Чаткы» и др.

Рождение новых литератур Ибрагимов рассматривает как закономерное явление, вызванное к жизни революционными преобразованиями общества. «На Кавказе под влиянием революции, – указывает он, – началось пробуждение таких новых национальных языков и литератур, как карачаевская и кумыкская. Наша партия не препятствует этому процессу, напротив, помогает их росту» [6].

Ибрагимов глубоко верил в развитие литературы и культуры туркменского народа, поддерживал молодых туркменских литераторов, сотрудничавших в журнале «Төркмән иле» по созданию на доступном для рабочих и крестьян языке новой литературы. «Работа, предстоящая туркменским

товарищам, – отмечал Ибрагимов, – равносильна той, которую проделали русский Ломоносов, наш Каюм Насыров» [7]. Большой популярностью среди среднеазиатских читателей в довоенный период пользуются те произведения Ибрагимова, в которых критикуются феодальные пережитки, схоластическая система обучения в мусульманских медресе. Например, один из первых рассказов татарского писателя пробуждает творческую энергию узбека А.Кадыри к созданию сатирического рассказа «Из дневника калвака махдума» (1923-1925) и повести каракалпака А.Шамурадова «В старой школе» (1940).

Исключительный успех в 30-е годы выпадает на долю романа Ибрагимова «Глубокие корни» (1926-1928), заложившего основы социалистического реализма в татарской литературе. После выхода из печати многие читают его в оригинале, переписывают отдельные главы, переводят на языки народов СССР и включают в школьные учебники. В 1934 году Х.М.Шукруллаев переводит роман «Глубокие корни» на таджикский язык. В свою очередь, перевод и сам оригинал романа становятся побудительным началом к созданию социально-психологического романа Джалала Икромии «Шоди» (1935-1940).

Роман Ибрагимова получил широкий отклик и вызвал огромный интерес и у многих писателей тюркоязычных народов. Известный туркменский писатель Б. Кербабаев отмечал, что «... до сих пор помню первое впечатление от предложения «убили Фахри». Узбекский прозаик Айбек вспоминал, что они «читали его в оригинале, буквально зачитывались им и не только знали творения Г. Ибрагимова, но и стремились следовать по его пути».

Одним из первых среди писателей Советского Востока Ибрагимов заложил основы жанра историко-революционного романа. В художественном воплощении историко-революционной темы многие писатели тюркских народов опирались на опыт «Наших дней» татарского прозаика (роман написан в 1914 г., издан в 1920 г., переработан в 1934 г.), рассказывающего об отношении различных классов, социальных прослоек к революции, народу и самодержавию. Вслед за Ибрагимовым по пути освоения этого жанра шли татарин Кави Наджми («Весенние ветры»), башкирка Хадия Давлетшина («Иргиз»), узбек Абдулла Кадыри («Минувшие дни», «Скорпион» из алтаря»), азербайджанцы Сулейман Рагимов («Шамо»), Мехди Гусейн («Половодье») и др.

Творческое освоение художественных завоеваний ибрагимовской прозы литературами Советского Востока (в которых на протяжении долгих веков господствовали традиции фольклора и классической романтической поэзии), способствовало успешному овладению ими принципов реалистического воссоздания действительности и формирования в них нового творческого метода – социалистического реализма. На традициях ибрагимовской прозы воспитывалась и выросла целая плеяда талантливых поэтов, прозаиков и драматургов тюркских и таджикской литератур: Ш.Бабич, Х.Давлетшина, А.Тагиров, С.Кудаш, Д.Юлтый, Б.Майлин, С.Муканов, Г.Мустафин, М.Ауэзов, А.Токомбаев, А.Кадыри, М.Шермухамедов, Б.Кербабаев, Х.Дерьяев, Т.Каипбергенов и др.

В художественной прозе и публицистике Ибрагимова нашла идейно-эстетическое воплощение важная и актуальная для восточных литератур тема социального и духовного раскрепощения женщины. Известный туркменский писатель Берды Кербабаев писал, что его первые произведения были посвящены теме эмансипации туркменской женщины: «Могу признаться – и рад это сделать, что они создавались под большим влиянием Галимджана, который одним из первых советских писателей создал образ мусульманки, восставшей против семейного и общественного гнета» [8]. В пору своего становления молодая каракалпакская литература воспринимала некоторые женские образы, созданные Ибрагимовым через призму фольклора, о чем свидетельствует устное бытование среди каракалпаков в виде сказа глав о Карлыгачсылу – главной героине из романа «Дочь степи».

Творческим продолжением и развитием ибрагимовских традиций можно было бы считать появление таких женских образов в литературах Советского Востока, как, например, Раушан, Ботагоз, Айкыз, Узук и Жумагул, ступивших на путь борьбы за личное счастье и новую жизнь в повестях и романах «Ажар» К.Баялинова, «Коммунистка Раушан» Б.Майлина, «Ботагоз» С.Муканова, «Дочь рыбака» А.Бегимова, «Судьба» Х.Дерьяева, «Дочь Каракалпакии» Т.Каипбергенова. Отдельные черты образа Марьям из романа «Молодые сердца» Ибрагимова нетрудно обнаружить в творчестве узбекских писателей: романтической драме Хамзы Хакимзаде Ниязи «Отравленная жизнь» (Марьям), романе А.Кадыри «Прошедшие дни» (Кюмеш, Зейнаб).

Романтическая и реалистическая проза Ибрагимова дооктябрьского и советского периодов явились школой художественного мастерства для многих писателей Приуралья, Казахстана, Средней Азии и Кавказа. В годы становления национальных советских литератур азербайджанцы, узбеки, казахи, туркмены, уйгуры, каракалпаки, кумыки, читая произведения Ибрагимова в оригинале, принимали его за своего писателя. «Его рассказы, повести и романы, – писал Мехди Гусейн, – имели очень большой успех среди широких читательских масс во всей нашей республике. Многие даже считали, что он родной азербайджанский писатель» [9]. То же самое утверждает казахский прозаик Сабит Муканов: «Казахи считают Галимджана Ибрагимова своим, казахским писателем ... Имя Галимджана Ибрагимова, замечательного человека и писателя, навсегда вошло в историю нашей многонациональной социалистической культуры» [10].

О том, как в годы становления советских литератур татарская литература щедро делилась своими художественными богатствами и стимулировала идейно-эстетический рост писателей Советского Востока, очень верно и справедливо заметил известный туркменский писатель Берды Кербабиев: «В первые годы советской власти татарская литература по сравнению с литературами народов Средней Азии была наиболее развитой. А в ней выделялся Галимджан Ибрагимов. В его произведениях было то принципиально новое, что лежало в основе всех социалистических национальных литератур. И это новое для меня звучало громче, понятнее, красочнее, чем у других татарских писателей. Каждая его страница была для меня словно откровение. Галимджан был первым моим учителем. Добавлю: может быть и основным» [11].

Ибрагимов внес большой вклад в развитие культуры и литературы народов Советского Востока не только как писатель, но и как ученый-востоковед, заложивший основы советской тюркологии и осветивший с марксистских позиций историю революционного, национально-освободительного движений, общественной мысли, литературоведения, журналистики и языкознания.

Изучение многогранного литературного и научного наследия Ибрагимова, его общественно-политических воззрений представляет интерес и для современного мусульманского Востока, тюркоязычных народов в особенности. Идея восточно-западного культурного синтеза, в защиту которой

Ибрагимов выступил еще в дооктябрьский период, в его художественном творчестве, научных трудах и публицистике советского периода в соответствии потребностям марксистской эпохи перерастает в утверждение идеи единства всего мирового революционного процесса. «Мы считаем, – писал он, – что революция на Востоке является составной частью общего движения, рассматриваем пролетариат на Западе и угнетенных на Востоке в качестве единой армии, поднявшейся на борьбу против рабства... Историческая эпоха есть единое целое. Движение в Индии оказывает влияние на Британию ... Жизнь, история вынуждает Запад и Восток идти вместе по пути социальной революции» [12].

Ибрагимовские суждения о единстве и взаимосвязях мирового общественно-политического и цивилизационно-культурного процессов, несмотря на наличие в них атрибутов марксистской философии «революция» и «пролетариат», не потеряли своего значения и в двадцать первом веке.

Литература

1. Ибрагимов Г. Әсәрләр: сигез томда / Бишенче томны төзүче, текст, искәрмә һәм аңлатмаларны хәзерләүчеләр: М.Х.Хәсәнов, Р.Р.Гайнанов. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1978. – 5 т.: Әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1910-1933). – 615 б.
2. Ибрагимов Г. Әсәрләр: тугыз томда. – Казан: Фикер, 2000. – 9 т.: “Хатлар һәм документлар” / Жыентыкны төзүче, текст һәм аңлатмаларны хәзерләүче Ф.И.Ибраһимова. – 454 б.
3. Цитируется по кн.: Халит Г. Тукай и его современники / Г.Халит. – Казань: Татар.кн.изд-во, 1966. – С. 80.
4. Муқанов С.Зур талант / С.Муқанов // Г.Ибраһимов турында истәлекләр / Төзүче һәм әдәби эшкәртүче Афзал Шамов. – Казан: Татар.кит. нәшр., 1966. – Б.334.
5. Сәләхов И. Онытылмас хатирә / И.Сәләхов // Татарстан яшьләре. – 1987. – 14 март.
6. Кербәбаев Б. Художникның жанлы тавышы / Б.Кербәбаев // Ибраһимов турында истәлекләр. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1966. – Б. 332-333.
7. Общественные науки в Узбекистане. – 1967. - № 3. – С. 43.

8. Кербабаев Б. Живой голос художника / Б.Кербабаев // Правда. – 1962. – 13 марта.
9. Советская Татария. – 1964. – 29 мая.
10. Муканов С. Большой талант / С.Муканов // Лит.газета. – 1962. – 13 марта.
11. Кербабаев Б. Живой голос художника / Б.Кербабаев // Правда. – 1962. – 13 марта.
12. Фасеев К.Ф. Г. Ибрагимов – пропагандист идей марксизма-ленинизма / К.Ф.Фасеев // Писатель, революционер, ученый. – Казань: Татар. кн. Изд-во, 1980. – С.55.